УДК 929:81'276

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОЙ И ЯЗЫКОВОЙ АДАПТАЦИИ РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ:
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕЕ. В. Евпак^{1, 2, @}¹ Кемеровский государственный университет² Университет им. Константина Философа в г. Нитра, Словакия

@jevpak.72@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы культурной и языковой адаптации русских переселенцев в зарубежье. Эта статья отражает определённый этап большого исследовательского проекта, находящегося в сфере интересов научной школы «Социально-когнитивное функционирование русского языка», руководителем которой является Н. Д. Голев. В статье верифицируются авторские наблюдения о культурной и языковой адаптации русских переселенцев в зарубежье в разные исторические периоды. В основу положены факты, собранные автором в странах русского «расселения», а также материалы из архивов, в том числе домашних, и библиотек России, Словакии и Чешской Республики.

Ключевые слова: переселенцы, эмиграция, русский язык, эмигрантология, лингвоперсонология.

Для цитирования: Евпак Е. В. Особенности культурной и языковой адаптации русских переселенцев: прошлое и настоящее // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 27 – 31.

Со стороны научного сообщества не прекращается интерес к вопросам культурной и языковой адаптации русских переселенцев в разные периоды истории. Несмотря на имеющийся корпус открытий и научных обзоров в эмигрантологии, в лингвистической отрасли появляются новые ракурсы в изучении русского языкового пространства вне естественной метрополии. Как уже было отмечено, эта статья отражает определённый этап большого исследовательского проекта, находящегося в сфере интересов научной школы «Социально-когнитивное функционирование русского языка». Руководитель данного научного направления Н. Д. Голев является инициатором создания нового направления в лингвистике – лингвоперсонологии. Лингвоперсонология – это самостоятельный лингвистический область, выделяемая в рамках антропоцентрической парадигмы современной науки о языке, объектом внимания которой является персонотекст (субъект во всех его ментально-коммуникативных проявлениях). Методология лингвоперсонологии находит применение в описании личностного коммуникативного пространства русских переселенцев, в создании типологии языковых личностей переселенцев на основе изучения их устных и письменных текстов. Актуальным представляется портретирование переселенцев как языковых личностей с учётом особенностей межязыкового контактирования с подключением к языковой ситуации ментального компонента. По словам Н. Д. Голева, ментально-языковая ситуация включает в себя не только внешние объективные характеристики ситуации, но её отражение в языковом и метаязыковом сознании носителей контактирующих языков, их оценки языков и ситуаций контактирования [2, с. 63 – 64]. Порефлексируем над проблемой.

Колонии русских переселенцев можно встретить по всему миру. История переселения наших соотечественников, в результате чего за границей складывается русская диаспора, насчитывает несколько столетий, если учитывать вынужденное бегство за рубеж политических деятелей ещё в период средневековья и раннего нового времени. В «петровскую» эпоху к по-

литическим мотивам отъезда за рубеж добавились религиозные. Процесс же экономических миграций, столь характерный для стран Центральной и Западной Европы, практически не затрагивал Россию до второй половины XIX в. От XVI – XVIII вв. до нас дошли сведения о русских переселенцах в дальние земли, в том числе в Америку, Китай, Африку, но подобные эмиграции были весьма незначительными по численности, вызывались зачастую не просто и не только экономическими причинами: одни чувствовали «зов дальних морей», другие бежали от злосчастия, ища на чужбине покоя или успехов [5, с. 141 – 148]. В конце XVIII в. русские переселенцы появились и в более близких европейских странах. Русские колонии в Европе возникали в курортных местах (на Ривьере, в Ницце, Баден-Бадене, Висбадене, Сан-Ремо, Лидо и др.) и становились местами продолжительного проживания семей русской аристократии и иных состоятельных эмигрантов. В Галле, Марбурге, Иене, Лондоне, Цюрихе, Лейпциге, а также во многих университетских городах Франции обучались десятки молодых русских дворян. Именно потому сюда же устремились представители последующих волн эмиграции (после 1825 г., 1863 – 1864 гг.; также после убийства Александра II; после 1917 г.) Главным центром русской эмиграции стал Париж. В определённые периоды истории Франция даже была первым эмигрантским государством по количественному составу наших переселенцев (вторая четверть XIX в; после 1917 г.). Как отмечает В. Н. Бурлак, знакомство русских с Францией началось ещё в 1054 г., когда французский король Генрих I задумал жениться на русской княжне Анне Ярославне, будущей королеве, которая оставила на века память о своей жизни во Франции. Настоящее познание русскими Парижа началось в 1717 г., когда Пётр I подписал верительные грамоты первого русского посла во Франции. Во времена Петра I французский язык ещё не был так популярен в России, как в правление Екатерины II в XIX в. Но многие французские слова уже распространились в Российской империи: батальон, гарнизон, марш, па-

роль, бастион, калибр, мортира и т. д. В Петровском Морском уставе дано определение: «Флот есть слово французское. Сим словом разумеется множество судов водных вместе идущих, или стоящих, как воинских, так и купецких» [1, с. 11]. Французский язык оказал большое влияние на русский язык. Через французский языковой «фильтр» в русский язык проникло немалое количество европейских заимствований. В дореволюционной России практически каждый образованный человек владел французским языком. Более того, владение французским языком считалось хорошим тоном, а в эмиграции – необходимым условием «русскости»; помогало скорее адаптироваться в чужой стране. Красноречиво об этом свидетельствуют строки из семейной летописи О. Сидельниковой-Вербицкой: «Вера понимала, что прежняя жизнь ушла навсегда, надо смириться со всеми выпавшими на долю трудностями, и – главное – с одиночеством. Она занялась поисками работы, и сразу нашла несколько уроков музыки и французского языка в многочисленных, продолжавших прибывать, русских семьях» [7, с. 379 – 380]. Изобилует галлицизмами естественная письменная речь наших соотечественников, представленная в эпистолярном наследии 50-х гг. XX в., а также в более поздний период [3]. Таким образом не будет преувеличением, как нам кажется, подумать, что французский язык для русских эмигрантов стал вторым «родным» языком. Однако не стоит забывать, что период наиболее массового переселения наших соотечественников во Францию был представлен разными судьбами. Главной задачей было сохранить и передать своим потомкам великий русский язык дореволюционной эпохи. Обращает на себя внимание следующая заметка: «Раннее детство было русским, до школы Юра не знал французского языка и каждое воскресенье бывал с родителями в русской православной церкви. Они шли пешком по холмистым медонским улицам в Клямар. При маленькой деревянной церкви Константина и Елены была устроена для детей «четверговая» школа. Занятия по русскому языку, праздники Рождества, Пасхи, исповеди у священника, перед которыми Юра волновался и плакал, всё это создавало особенность характера, типичную почти для всех детей первой, – белой эмиграции. У них, рождённых на чужбине, ощущение сиротства, оторванности было острее, чем у родителей. Настоящими эмигрантами были именно они, – никогда не видавшие Родины» [7, с. 407]. Иная коммуникативная среда сложилась в славянских странах. Как проходила культурная и языковая адаптация наших соотечественников, мы рассмотрим на примере Чехословакии в 1919 – 1928 гг. Большая часть эмигрантов была сосредоточена в столице. Чехословацкая Прага была в течение нескольких лет «кузницей кадров» для «будущей» России. Молодая Чехословацкая Республика была единственной страной в мире, которая столь целеустремлённо и последовательно формировала «свою» эмиграцию. Чехословакия не только и не столько ограничивала доступ эмигрантам, отсеивая нежелательных, как это делали многие страны, но и приглашала желательных лиц. В Чехословакии они составляли четвертую часть всей русской колонии. Эта особенность «русской Праги» восходит к перспективно задуманной и настойчиво осуществляемой русской по-

литике Т. Г. Масарика, который относился к современной ему России весьма критически, однако высоко ценил её духовный и экономический потенциал, учитывая геополитическое положение Чехословакии, и роль России как гаранта независимого существования Чехословакии, которая была новым образованием на политической карте Европы Нового времени. У неё было много врагов, и внутренних (в частности, немецкое и венгерское меньшинства), и внешних, и мало заинтересованных и знающих защитников. Поэтому Чехословакия, по мнению Масарика, нуждалась в гарантиях и с Востока, и с Запада [6, с. 49 – 50]. Чехословацкая Прага была задумана как крупный академический центр русских эмигрантов (русский «Оксфорд»). Многие русские эмигранты окончили здесь учебные заведения. Их привлекала родственность славянских языков, доброжелательное отношение властей и местного населения в первые годы «русской акции», возможность получить среднее и высшее образование. Как пишет А. В. Чумаков, вице-председатель Союза российских соотечественников в Словакии, среди тех, кто оказался за границей, было немало молодых людей, ушедших на фронт добровольцами, когда им не было и семнадцати лет. Случалось, что из южных регионов России выезжали целые гимназии и военные училища с профессорским составом. Им предоставляли принят братские православные государства – Болгария, Румыния и Сербия. Там молодые люди из России могли окончить прерванное войной обучение, подлечить раны, полученные в боях. Получив там среднее образование, большинство из них приехало в Чехословакию. В то время в Праге открыли пять русских факультетов, где преподавали исключительно русские профессора, светила российской академической науки: Францев, Новгородцев, Н. О. Лосский, Лошаков, Спекторский, О. С. Булгаков, Кизеветтер, Вернадский, Гримм, Тимашев, Брунст, Чупров, Гурвич, Циммерман, Флоровский, П. Савицкий и др. В рамках проводимой тогда «Русской акции помощи» по предложению президента Чехословакии Т. Г. Масарика был создан специальный фонд («Фонд Масарика»). По всей вероятности, в этот фонд вошла часть средств из царской казны, захваченной чехословацкими legionерами в Казани, часть которой была вывезена через Сибирь, а также средства, выделенные чехословацким правительством, включая пожертвования частных лиц. Большую поддержку русским в Чехословакии оказывал в то время русофил премьер-министр К. Крамарж. Он был женат на москвичке, урождённой Н. Н. Хлудовой. Из «Фонда Масарика» выплачивалось жалованье профессуре, стипендии и пособия студентам [9, с. 17]. Влиятельные лица в эмигрантских и чехословацких политических кругах вынашивали всевозможные планы по развитию русской академической Праги. В то время не только чехословацкие представители, но и сами эмигранты исходили из общепринятого предположения, что советская власть в России долго не продержится, а новой, либеральной и демократической России будут нужны образованные, прогрессивные кадры. По словам известного социолога, потомка русских эмигрантов И. П. Савицкого, программа академического центра в Праге была уникальной в своём роде – «она требовала отказа одновременно и от чисто

эмигрантских, и от иммигрантских установок. Она требовала, чтобы профессора и студенты вели себя в совершенно ненормальных условиях совершенно нормально: профессора, как в заграничной научной командировке, студенты, как заканчивающие образование за границей» [6, с. 68]. Но в эмиграции данная установка не действовала. Не представлялось возможным чувствовать и ощущать себя в инородной среде как дома. Достаточно обратить внимание на одно чрезвычайно важное препятствие, которое затем пришлось преодолевать всем русским высшим учебным заведениям в Праге. Обнаружилось, что уже в самом начале деятельности Русского института сельскохозяйственной кооперации наблюдалось полное отсутствие учебных пособий на русском языке. Только в 1922 г. профессору Брунсту пришлось издать солидное по размерам пособие по животноводству в 325 страниц, а также в литографированном виде 175 страниц лекций и конспектов по животноводству и земледелию. Все преподаватели должны были начинать с составления пособий и конспектов для слушателей. Кроме того, нельзя было сослаться на свой печатный опыт, в том числе на другие работы, так как их просто не было ни в библиотеках, ни на рынке. Сложной оставалась ситуация с адаптацией слушателей из числа наших соотечественников. Анализ результатов учёбы старшеклассников в гимназии в Моравской Тржебове показал, что они не готовы воспринимать новый материал, в связи с чем приходилось всё начинать с азов. Особая ситуация наблюдалась при непосредственном взаимодействии близкородственных языков во время пассивной или активной коммуникации их носителей. В русской эмигрантской колонии, в Праге, стал притчей во языцех крик носильщиков на вокзале. Всех прибывающих встречали возгласы «Позор!». Но оправившись от первого испуга и узнав, что это значит «осторожно», эмигранты начинали лопотать по-чешки и без особого труда договаривались на улице и в лавках, так как чехи часто заявляли, что русский понимают. Русские думали, что они говорят по-чешки, а чехи, что они говорят по-русски. Историк С. Г. Пушкарёв даже составил длинный список таких слов под заглавием «Словарь русско-чешских недоразумений». В своих мемуарах Н. Е. Андреев также припоминал, как ему по прибытии в Прагу бросились в глаза удивительные с точки зрения носителя русского языка вывески «Горьки млеко», «Черстви хлеб» [4, с. 274 – 275]. Надо сказать, что «ложные друзья переводчика» удивляли всех без исключения русских, которые вне зависимости от времени оказывались в Чехословакии (Чешской Республике). Закономерно, что столкновение с чешским языком вызывало немало трудностей среди эмигрантов. Среди эмигрантов бытовало мнение, что сходство двух славянских языков настолько очевидно, что перевод вообще не нужен. Не случайно в 1930-х гг. К. Д. Балмонт сетовал, что «славяне мало изучают язык, историю и творчество братских славянских народов». О своей чешской проблеме писал В. М. Ходасевич: «чешский язык для меня труден, так как надо лавировать между русским и польским. Знающему только один из этих языков научиться чешскому легче. Всего же легче не знать совсем никакого языка» [4, с. 274]. Языковой барьер был кам-

нем преткновения в образовательной среде как для русских, которые учились на чешских факультетах, так и для чехов, изучающих русские дисциплины. Так, на русские лекции академика Кондакова в Карловом университете сначала записалось немало чешских студентов, но они быстро отсеялись. Не помог и переход на французский. Единственный в те годы «общеславянский язык» немецкий (немецкий язык был распространён в Чешской и Моравской областях Чехословакии – авторск.) находился в опале по политическим соображениям. Для чешских студентов невозможность слушать Кондакова была неприятностью, но не более того. Для русских студентов в чешских вузах непонимание учителей было катастрофой, особенно если будущая специальность была напрямую связана с языком. Однако ситуация постепенно налаживалась. В учебных заведениях стали вводить курсы по изучению русского и чешского языков. Некоторые наши соотечественники начинали понимать, что знание чешского языка и культуры было необходимым условием выживания в иноязычной среде, особенно в последующие 30-е годы «великой депрессии», когда русские эмигранты находились на грани выживания. Большая часть русских эмигрантов всё же оставалась за бортом чешской цивилизации, однако сохраняя свой родной русский язык, надеясь на скорое возвращение в «потерянный рай». Социальная замкнутость, ностальгические настроения были основным лейтмотивом первой волны эмиграции; лишь в более позднее время началась культурная и языковая ассимиляция, прежние ностальгические мотивы остались в мемуарах родителей-переселенцев, а потомки, рожденные вне естественной метрополии, впитывали в себя новую культуру, создавали смешанные браки, на которые в первые годы лихолетья в диаспоре распространялось табу. Как отмечает в своём исследовании З. Сладек, русские эмигранты жили исключительно своими интересами. О благодарности за помощь со стороны чехословацкого правительства не могло быть и речи, т. к. они считали, что «русская акция» содержалась на русское царское золото; не было взаимопонимания и в культурных реалиях, например, чехи не принимали русское чаепитие за самоваром, а русских не устраивал чешский ритм жизни. К тому же в учёной среде часто возникали методологические споры между русскими и чешскими преподавателями. Русские эмигранты отличались от своих чешских собеседников по цеху чрезмерным высокомерием. «Ситуация доходила даже до того, что ни один русский студент не сподобился завести серьёзные отношения с чешкой» [10, с. 331]. Стоит также упомянуть и о младшей поросли наших соотечественников, которым пришлось учиться в средних учебных заведениях исключительно на чешском языке. Их положение улучшилось только после переезда Русской школы и гимназии из Константинополя в г. Моравска Тржебова. Учебное заведение в Константинополе посещали прежде всего дети-сироты, потерявшие во время гражданской войны своих близких. После прибытия константинопольской школы в Чехословакию к ним постепенно присоединялись дети, приехавшие сюда с родителями, а также те, кто здесь уже родился. Дети и молодые люди в Моравска Тржебова жили в общежитии, ходили в форме, как это было принято в России, и

все предметы велись на русском языке, в целях культурной интеграции преподавался также чешский язык.

В корне отличалась языковая ситуация и коммуникативная адаптация наших переселенцев-эмигрантов на востоке страны, в Словакии. Русские переселенцы здесь проживали преимущественно в Прешовской и Кошицкой областях Словакии. Мало здесь было и образовательных учреждений. Немногочисленные русские студенты посещали словацкие факультеты – прежде всего юридический и медицинский, преподавание на которых велось на чешском и на словацком языках, русский язык здесь был редким явлением. Русских детей и подростков практически до второй половины 20-х гг. здесь не было. Однако в Прешовской части Словакии (Пряшевская Русь) проживало более 150 русинов, которые сразу после образования Чехословацкой Республики потребовали открытия русских школ. Такие учебные заведения существовали, но на территории Подкарпатской Руси, где первая русская гимназия была учреждена в 1863 г. Открытию русских школ в Словакии способствовал и приезд представителей русской эмиграции. Первая русская гимназия была открыта в 1936 г. в Прешове. Преподавание здесь велось на русском и на русинском языках. В 1953 г. власти закрыли все русские школы. Учащимся было предложено перейти в учебные заведения, где преподавание велось на украинском языке. Подавляющее большинство учащихся школ от этого отказалось и поступило в школы со словацким языком. Надо сказать, что в речевой практике русские молодые люди испытывали довольно много коммуникативных преград, например, сильную интерференцию как результат контактирующих славянских наречий, особенно если они уже в некоторой степени владели чешским, или были знакомы с другими славянскими языками и наречиями. К тому же языковая ситуация в Словакии была представлена длинным списком славянских и не славянских языков и наречий, что также прямо или косвенно влияло на коммуникативную ситуацию в регионе.

Интересными представляются наблюдения за языковой адаптацией у потомков русских переселенцев в исследовании А. А. Хисамутдинова, на примере воспитания русских детей в США. Надо сказать, что часть русских переселенцев в самом начале Второй мировой войны из-за соображений безопасности переехала на американский континент. В отношении к родному русскому языку было несколько путей воспитания русских детей в США. Наиболее характерный, первый, предусматривал воспитание ребёнка в свободном режиме, но дома все говорили по-русски, соблюдали российские обычаи, и родители регулярно ходили в церковь. В этом случае дети воспринимали язык родителей, кото-

рый органично уживался с английским языком, подчеркнутым на американской улице. Увы, здесь не всё было просто: пользуясь предоставленной свободой, дети часто теряли контакт с родителями, а в общении со сверстниками стеснялись разговоров по-русски. Приверженцы второго пути рассуждали: я – русский эмигрант и несчастный человек, потерявший родину. Чтобы мои дети не были несчастными, их нужно воспитать в американском духе. В таких семьях говорили только по-английски. Однако среди русских иммигрантов лишь немногие могли говорить по-английски свободно, для остальных был характерен ломаный язык с сильным акцентом и множеством речевых ошибок, и дети, вырастая, чувствовали внутреннее противоречие родителей, что также приводило к утрате духовной связи с ними. Был и третий путь – русская семья должна воспитать ребёнка в своём духе, передать ему все те духовные ценности, которыми она обладает. А когда у ребёнка создан прочный моральный фундамент, не препятствовать его восприятию иностранной культуры [8, с. 111 – 112].

Говоря о новом времени, отметим лишь то обстоятельство, что «новые» переселенцы, находящиеся длительное время в зарубежье, так же как и их предшественники, в повседневности сталкиваются с разными обстоятельствами и ситуациями, но в других формах, более мягких. Им также присуще чувство одиночества, ностальгии по родине, близким; на их пути встречаются коммуникативные неудачи, у многих нет возможности вернуться назад по самым разным, прежде всего, личным мотивам; они учатся выживать в иноязычной среде, используя технические и личностные ресурсы. Их русский язык можно рассматривать как особый эмигрантский феномен с рефлексами языка (языков) страны проживания, а также со стороны «новояза» бывших наших соотечественников по СССР при их непосредственном участии, или посредством их соцсетей и разноликих СМИ на так называемом русском языке. Самое интересное, что «новояз» отрицательно влияет на освоение русского языка как иностранного, ведь иностранцы, изучающие РКИ слышат вовсе не образцовую русскую литературную речь, или узус, а впитывают языковое образование вроде украинского суржика или белорусской трясанки.

Представленные в этой статье наблюдения показывают неоднозначность и многогранность исследуемой проблематики. Вместе с тем подключение новых методологических приёмов к изучению эмигрантского дискурса в русле идеологии научной школы Н. Д. Голева позволяет приблизиться к «другим берегам» русского зарубежья.

Литература

1. Бурлак В. Н. Русский Париж. М.: Вече, 2008. 416 с.
2. Голев Н. Д. Лингвоперсонологическое измерение речи русских переселенцев в зарубежье (методологические заметки) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4(64) Т. 4. С. 62 – 65.
3. «Если чудо вообще возможно за границей...» Эпоха 1950-х в переписке русских литераторов-эмигрантов / сост., пред. и прим. О. А. Коростелева. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Русский путь, 2008. 816 с.
4. Ковалёв М. Эмиграция и лингвистическая травма: русская диаспора в Праге в 1920 – 1930-е гг. // Slovanské jazyky a literatury: hledání identity. Červený Kostelec – Praha, 2009. S. 273 – 281.
5. Пушкарёва Н. Л. Русские за рубежом / Русские. Отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. М.: Наука, 2005. 828 с.

6. Сидельникова-Вербицкая О. На что душа моя оглянется... М.: Схолия, 2007. 448 с.
7. Савицкий И. Специфика Прага как духовного центра эмиграции // Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чешской Республике (1919 – 1939); сб. ст. под ред. Л. Белошевой. Ч. I. Slovanský Ústav AV ČR. Прага, 1999. S. 47 – 96.
8. Хисамутдинов А. А. Русский Сан-Франциско. М.: Вече, 2010. 368 с.
9. Чумаков А. В. Россияне в Словакии. Российские соотечественники в Словакии. История и современность. Strední odborná škola polygrafická. Bratislava, 2008. 172 s.
10. Sládek Z. České prostředí ruská emigrace (1919 – 1938) // Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Česlovenské Republice (1919 – 1939). Slovanský ústav AV ČR. Прага, 1999. S. 7 – 47.

Информация об авторе:

Евпак Евгений Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Кемеровского государственного университета, доцент кафедры русистики Университета им. Константина Философа в г. Нитра, Словакия, jevpak.72@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 01.02.2016 г., принята к печати 03.06.2016 г.

FEATURES OF CULTURAL AND LANGUAGE ADAPTATION OF RUSSIAN EXPATRIATES: THE PAST AND THE PRESENT

Evpak Evgenii V.^{1, 2, @}

¹ Kemerovo State University

² Department of the Constantine the Philosopher University in Nitra, Slovakia.

@ jevpak.72@mail.ru

Abstract: The paper focuses on the problems of cultural and language adaptation of Russian expatriates abroad. It reflects a certain stage of an extensive research project carried out by the “Social-Cognitive Functioning of the Russian Language” school lead by N. D. Golev. The paper verifies the author’s observations about the cultural and linguistic adaptation of Russian expatriates in foreign countries in different historical periods. It is based on the evidence gathered by the author in the countries of the Russian Diaspora, as well as on archive materials, including the family and library archives in Russia, Slovakia and the Czech Republic.

Keywords: expatriates, emigration, russian language, emigrantology, linguopersonology.

For citation: Evpak E. V. Features of cultural and language adaptation of Russian expatriates: the past and the present *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 27 – 31.

References

1. Burlak V. N. *Russkii Parizh* [Russian Paris]. Moscow: Veche, 2008, 416.
2. Golev N. D. Lingvopersonologicheskoe izmerenie rechi russkikh pereselentsev v zarubezh'e (metodologicheskie zametki) [Lingvopersonologicheskoe measurement of speech of Russian immigrants in foreign countries (methodological notes)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, 4, no. 4(64) (2015): 62 – 65.
3. «Esli chudo voobshche vozmozhno za granitse...» Epokha 1950-kh v perepiske russkikh literatorov-emigrantov [“If at all possible miracle abroad ...” The era of the 1950s corresponded Russian émigré]. Comp. Korostelyov O. A. Moscow: Biblioteka-fond «Russkoe Zarubezh'e»: Russkii put', 2008, 816.
4. Kovalev M. Emigratsiia i lingvisticheskaia travma: russkaia diaspora v Prage v 1920 – 1930-e gody [Emigration and linguistic trauma: Russian Diaspora in Prague in 1920 – 1930]. *Slovanske jazyky a literatury: hľadani identity* [Slavic languages and literature: search for identity]. Chervený Kostelec – Praha, 2009, 273 – 281.
5. Pushkareva N. L. *Russkie za rubezhom* [Russian abroad]. Ed. Aleksandrov V. A., Vlasova I. V., Polishchuk N. S. Moscow: Nauka, 2005, 828.
6. Sidel'nikova-Verbitskaia O. *Na chto dusha moia oglianetsia...* [On my soul looks back...]. Moscow: Skholiia, 2007, 448.
7. Savitskii I. Spetsifika Praga kak dukhovnogo tsentra emigratsii [Specificity of Prague as the spiritual center of emigration]. *Dukhovnye techeniia russkoi i ukrainskoi emigratsii v Cheshskoi Respublike (1919 – 1939)* [Spiritual currents of Russian and Ukrainian emigration in the Czech Republic (1919 – 1939)]. Ed. Beloshevskaia L. Part I. Slovanský Ústav AV ČR, Praha, 1999, 47 – 96.
8. Khisamutdinov A. A. *Russkii San-Frantsisko* [Russian San Francisco]. Moscow: Veche, 2010, 368.
9. Chumakov A. V. *Rossiiane v Slovaki. Rossiiskie sootchestvenniki v Slovaki. Istoriia i sovremennost'* [Russians in Slovakia. Russian compatriots in Slovakia. History and modernity]. Stredni odborná škola polygrafická. Bratislava, 2008, 172.
10. Sládek Z. České prostředí ruská emigrace (1919 – 1938). *Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Česlovenské Republice (1919 – 1939)*. Slovanský Ústav AV ČR, Praha, 1999, 7 – 47.

Received 01.02.2016, accepted 03.06.2016.